

«...ДУМАЛ, ПРИКАЗЫВАЛ, ГОВОРИЛ»

Это не было слепым поклонением перед сильной личностью. Шульгин ценил в премьер-министре не только волю, но также интеллект и государственный ум, увидев в нём «самого трагически-великолепного, всероссийского реформатора»¹. В отличие от большинства правых, он не поддерживал обвинений против Витте и не противопоставлял его Столыпину, что, помимо прочего, было обусловлено дружескими отношениями Витте и Пихно. Шульгин полагал, что «то, что не посчастливилось сделать Витте, удалось П. А. Столыпину законом 9 ноября 1906 года. В этом, как мне кажется, и была истинная причина той ненависти Витте к Столыпину»².

В статье «Диогенов фонарь», посвящённой Петру Аркадьевичу, Шульгин вспоминал, что впервые услышал его речь 6 марта 1907 года. К тому времени 2 марта уже произошёл обвал потолка в зале заседаний, который многие восприняли как некое дурное предзнаменование. В премьер-министре, выступающем перед оппозиционно настроенными депутатами, Василия Витальевича поразила «необычайная чуткость этого человека, та чуткость, которая так редко даётся, но без которой немислимы политические люди, чуткость к толпе, к массам, понимание и умение владеть ими сказались уже и в этот день... Ни малейшая складка презрения, которое дрожало в его сердце, пережившем Аптекарский остров³, не затронула его губ. Спокойный, благожелательный, он с большим достоинством и серьёзностью излагал план реформ»⁴. Отвечая на критику оппозиции, Столыпин проявил волю: «Он говорил недолго. Несколько слов холодных, но прозрачных, как лёд, слов, которыми он безжалостно сорвал живую кожу ненужных, лишних и затумани-

вающих фраз с того одного, что было важно в ту минуту, важно потому, что это одно была правда. Это одно правдивое и страшное — была смерть. Четырёхсотголовый зверь разными словами, в разных формах, разными способами грозил ему смертью. И не только ему, он грозил смертью всему тому, что защищать и чему служить присягнул министр своему государю. Они осмелились грозить Ему... И после холодных и прозрачных, как льдина, слов, резюмировавших весь смысл их диких речей, сверкнуло вдруг, неожиданно и ослепительно, раскалённое железо: — Не запугаете!!!»⁵ После этого Россия «могла потушить свой Диогенов фонарь: она нашла человека»⁶.

Шульгин признавал, что он «со страстью, свойственной молодости... отстаивал с кафедры Государственной думы его (Столыпина. — А. Р.) программу, потому что считал предначертанный им путь действий единственно правильным для спасения России и её дальнейшего эволюционного развития. Несомненно, Столыпин был наиболее выдающимся государственным деятелем Российской империи в последний её период. Это признавали и враги его... я сблизился с Петром Аркадьевичем и кроме уважения стал питать к нему более тёплые чувства»⁷.

Шульгин писал, как во время своей депутатской деятельности во 2-й Государственной думе встречался с премьером весной 1907 года. Поводом послужило стремление правых — А. С. Вязигина, В. М. Пуришкевича и других — к роспуску Думы. «Перед Столыпиным мы поставили вопрос о необходимости немедленного роспуска 2-й Государственной Думы. Доказывая необходимость этого мероприятия, мы говорили Столыпину, что Дума является трибуной для революционной пропаганды, которую проводили социал-демократические элементы.

На наше предложение Столыпин реагировал короткой фразой: «Необходимо, чтобы прошло некоторое время, пока Дума догниёт на корню, тогда наступит удобный момент для её роспуска»⁸.

Политический и ораторский стиль поведения Столыпина и стиль Шульгина имели общие черты, и как наблюдательный человек Василий Витальевич заметил это: «В Столыпине совмещались все три качества: думал, приказывал, говорил»⁹. Он одобрил меры премьера, направленные на подавление революционного движения. 12 марта 1907 года Шульгин провозглашал в Думе: «Не будем лицемерить... полевые суды есть средство борьбы; это есть орудие борьбы, которое во все эпохи... выдвигалось в тех обстоятельствах, когда обыкновенное правосудие оказывалось бессильно. Эти обстоятельства наступают в обстановке войны, но и особенно рельефно в так называемые революционные эпохи. Главная сила этого орудия состоит в том, что наказание следует непосредственно за преступлением. Сегодня бросил бомбу, а завтра повесили для того, чтобы те, которые имели в виду бросить бомбу послезавтра, призадумались над этим...»¹⁰

По мнению Шульгина, «Столыпин был именно таков, каким должен быть премьер-министр: внушительен, одет безукоризненно, но без всякого щегольства... Его речь плыла как-то поверх слушателей. Казалось, что она, проникая через стены, звучит где-то на большом просторе. Он говорил для России. Это очень подходило к человеку, который если не «сел на царский трон», то при известных обстоятельствах был бы достоин его занять. Словом, в его манере и облике сквозил всероссийский диктатор. Однако диктатор такой породы, которому не свойственны были грубые выпады»¹¹. Столыпин казнил революционеров, но «ни к одному из них он не чув-

ОТРАЖЕНИЯ

Александр РЕПНИКОВ,
доктор исторических наук

БЕССТРАШИЕ

Пётр Столыпин глазами Василия Шульгина

Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) читателям подробно представлять не нужно — политический деятель, писатель, публицист, один из лидеров Всероссийского национального союза (ВНС), депутат II–IV Государственных дум; человек, принимавший отречение у Николая II, стоявший у истоков Белого движения, яркий публицист Русского зарубежья, заключённый Владимирского централа, гость XXII съезда КПСС. Человек, проживший 98 насыщенных событиями лет. Характерно, что у Василия Витальевича, который сам был для многих примером для подражания, тоже были свои кумиры. Это были его отчим, профессор политэкономии Киевского университета Дмитрий Иванович Пихно (1853–1913), взгляды которого оказали серьёзное влияние на формирование Шульгина как русского националиста, и Пётр Аркадьевич Столыпин, которого он уважал до конца жизни.